

ЧАСТЬ I

Глава 1

Четверг, 28 марта

Девушке было неудобно. Не хватало кислорода и казалось, будто ее душат. С каждым вдохом живот скручивало спазмом и что-то мешало во рту. Сверху давила неподъемная тяжесть, словно вместо пухового одеяла на нее навалили кучу камней. При этом она до костей промерзла.

Где бы она ни оказалась, это точно не ее уютная постель с дорогим бельем и мягкими подушками. Она попыталась приоткрыть глаза, но больше секунды веки не подчинялись, а когда она все-таки их разжала, вокруг была сплошная тьма. Девушка вытянула руку — такую тяжелую, как будто по венам в ней вместо крови бежал жидкий свинец, — и ухватилась за что-то, сама не понимая за что.

Надо было постараться сесть и понять, где она, но когда девушка попыталась, то почувствовала, что не может шевельнуть ногами. Грудь сдавило еще сильнее, и в голове на миг промелькнула мысль об автокатастрофе. Но тут же перед глазами встали кулаки, молотящие по ее телу, и нога, занесенная для удара, и девушка онемела от всепоглощающего ужаса.

Воспоминания проносились в мозгу со скоростью молнии. Она снова зажмурилась, надеясь вынырнуть из этого кошмара, молясь, чтобы ее снова поглотил сон.

* * *

— Ты уверен, что никто не увидит нас здесь, Джек? — спросила Тринити парня, с которым познакомилась пару дней назад в баре, принадлежавшем ее кузену. Она переехала сюда недавно, так что местности не знала, но сообразила, что они где-то в горах Хемез, недалеко от туристических троп, которые она видела по дороге. Его «Ниссан Икс-Терра» они оставили возле кемпинга и «совсем недалеко» прошли пешком. Определенно, его представления о «совсем недалеко» расходились с ее, потому что идти пришлось не меньше часа.

— Точняк. Расслабься, крошка. Я сюда постоянно прихожу. Никогда никого тут не видел, — заверил ее Джек. Он остановился и заглянул в широко распахнутые глаза подружки. — Ты — первая девушка, которую я сюда пригласил. Ты особенная, Тринити.

Он отвел в сторону ее волосы и наклонился поцеловать.

Естественно, это не было правдой. Он приводил сюда кучу девиц. И всем говорил, что они особенные.

Джек отыскал свое «счастливое место» в маленькой рощице, отпустил руку Тринити, сбросил с плеч рюкзак и поставил на землю небольшой переносной холодильник. Расчистил место на траве, расстегнул главное отделение рюкзака и вытащил оттуда толстое шерстяное одеяло, которое расстелил на плоском пяточке и прижал по углам, чтобы края не задирали ветер. Поглядел на небо и возблагодарил Господа за то, что и в горах погода его не подвела. Устроив все, как ему нравилось, Джек достал бутылку вина и налил понемножку в два пластмассовых стаканчика. Один протянул Тринити и уселся по центру одеяла, вытянув вперед ноги. Девушка так и стояла рядом, не зная, как ей располо-

житься, поэтому он дернул ее за руку, приглашая присесть рядом с ним. Она села, и Джек отбросил волосы с ее шеи, чтобы поцеловать нежную кожу под ухом.

— Расслабься, Трин! Мы ничего не будем делать, если ты не захочешь. Ты ведь это знаешь, правда? Просто посидим тут спокойно, поболтаем, посмотрим на облака...

Говоря это, Джек пальцем рисовал окружности у нее на спине.

Очень скоро Тринити разделалась с двумя стаканами вина и уже приканчивала третий.

— Ты что-то отстаешь от меня, Джек!

— Ну так ведь я же за рулем, не забывай.

Джек подлил ей, хотя вино в стаканчике еще оставалось. Тринити нервно хихикнула и сделала глоток. Проговорила, слегка запинаясь:

— Не знай я тебя, решила бы, что ты стараешься меня спойть.

— Ну что ты, детка! Я никогда бы так не поступил. Я просто хочу, чтобы ты немного расслабилась.

Она еще не была пьяна, но предыдущие два стакана проглотила достаточно быстро, так что у нее заметно кружилась голова. Джек не хотел, чтобы она *напивалась*, как не хотел и *воспользоваться* ей, — он не был придурком. Он хотел, чтобы она наслаждалась вместе с ним, но все равно мешать ей пить не собирался. Пока она делала очередной глоток, он запустил руку ей под рубашку.

Довольно скоро Джеку удалось уговорить Тринити прилечь, «чтобы ей было удобнее». Он по-прежнему не торопил события. Поглаживал ей руки, живот, подбирался к груди, но пока не трогал. Дразнил поцелуями, не поддаваясь на ее попытки сделать их глубже. Нет, он хотел, чтобы она была

полностью готова, потому что ничего нет хуже, чем когда девушка передумывает в последнюю минуту.

Джек чувствовал, как ослабевает ее сопротивление, и потому сильно удивился, когда она внезапно оттолкнула его и резко села.

— Что случилось, детка? Давай, иди ко мне, — взмолился он.

— Что это за звук? — Тринити испуганно посмотрела по сторонам, потом расширившимися от страха глазами посмотрела на него. — Ты это слышишь?

Джек тоже сел и прислушался, пытаясь сообразить, что ее так напугало, но уловил только шорох ветра.

— Ветер шевелит листья на деревьях. А похоже, будто машины едут по шоссе. Это просто...

— Да нет же! — Тринити тряхнула головой. — Вот сейчас! Слушай! Похоже на... Я не знаю... Как будто тут еще кто-то есть.

Джек засмеялся и уткнулся носом ей в волосы.

— Крошка, поверь мне, тут никого. — Он попытался уложить ее обратно. — Давай-ка мы...

Тринити оттолкнула его.

— Нет. Seriously, Джек, послушай. Просто помолчи секунду.

Она отодвинула его руку, отвергая любые поползновения.

Джек подавил раздражение и сделал, как она велела, — послушал. И снова ничего. Может, птичка перепрыгнула с дерева на дерево или какой-то зверек пробежал в кустах... Уж они-то точно не собирались досаждать людям, если те не станут досаждать им. Тем не менее Джек не собирался говорить ей об этом, чтобы не напугать еще сильнее упоминанием о диких животных, слоняющихся поблизости.

Он согнул ноги и чуть поморщился. Джинсы слишком узки. Джек тихо застонал. Он был так близок!

Потом он тоже услышал этот звук. Станный — животные таких не издают. Он больше походил на... приглушенное клочотание. Ну, как-то так.

Джек прислушался, чтобы лучше понять, откуда он доносится. С востока. Звук шел с восточной стороны. Джек поднялся, пытаясь разобраться, как далеко от них этот человек — он был уже практически уверен, что это человек, а не что-нибудь другое. Взял Тринити за руку и потянул к себе, а потом отпустил, потому что она стала поспешно застегивать бюстгальтер и поправлять рубашку. Закончив, подскочила к нему и, вцепившись в ладонь с силой, которой он никак в ней не ожидал, прошептала:

— Ты тоже слышал, да?

Джек, кивнув, приложил палец к губам и склонил голову набок. Звук раздался снова. Джек глянул на Тринити, подкрался к своему рюкзаку и достал оттуда охотничий нож, который всегда носил с собой, отцовский подарок. Тринити охнула, и он состроил гримасу.

— Это еще зачем?

— Расслабься, — сказал Джек. Кажется, он в последний час чересчур злоупотреблял этим словом. — Для защиты. На всякий случай. Он у меня всегда при себе. Я никогда им не пользуюсь, вот и не вспомнил сразу. Но, похоже, сейчас тот самый случай.

Он заметил тревогу у нее на лице и понял, что девушка не знает, верить ему или нет. Джеку, однако, было все равно, и в душе он радовался, что не выходит из дома без своего ножа... Опять этот звук! Тринити крепко прижалась к его боку.

— Стой тут! — приказал Джек. — Пойду посмотрю. Может, медведя ранило, или еще что... — Он сам не верил своим словам и успел благополучно забыть о том, что не собирался упоминать диких животных. — Вернусь через минуту.

— Ты издеваешься, да? Я не останусь здесь! Ни за что на свете! Я же смотрю фильмы ужасов и знаю, что бывает с тем, кто остается. Нетушки! Я с тобой.

Джек хотел было начать спорить, сказать ей, что так безопаснее плюс она ближе к кемпингу на случай, если придется спасаться бегством, а там обычно никого нет, и ключи он оставляет прямо в пикапе, под ковриком у заднего сиденья, — но вместо этого только кивнул. Геройствовать Джек не собирался. Только не в такой ситуации.

— Ну ладно. Похоже, тебя все равно не переубедить. Просто держись за мной и беги, если я скажу. Ладно?

Он не собирался становиться героем, но был не против им казаться. Тринити кивнула, и вдвоем они пошли на звук.

Они медленно крались между деревьев, останавливаясь каждые несколько секунд, чтобы прислушаться. Под ногами у них потрескивала сухая трава, с хрустом ломались мелкие веточки, ветер шевелил листву над головой. Щебетали птицы, в кронах деревьев скакали белки. Где-то вдалеке монотонно барабанил дятел. За этим лесным шумом сложно было понять, идут они в правильном направлении или нет. Они остановились еще раз, ища какие-нибудь признаки того, что движутся в нужную сторону. Джек покрутил головой вправо-влево, высматривая он и сам не знал что.

— Ты все еще слышишь? — прошептал он. Тринити не ответила и прижалась к нему еще крепче. Он поглядел на

свою руку: она заметно покраснела там, где в кожу впивались пальцы девушки; от ее ногтей оставались следы в форме полумесяцев. С деланой беззаботностью он выдернул руку из ее хватки и задвинул Тринити себе за спину. Почувствовал, как теперь она вцепилась в ремень его джинсов.

Размахивая перед собой ножом, Джек снова двинулся вперед, и Тринити последовала за ним. Оба стремились обнаружить источник загадочного звука и одновременно надеялись ничего не найти. Они уже свернули к небольшой группке деревьев недалеко от места их пикника, когда Тринити вдруг замерла на месте и завизжала. Визг был такой пронзительный, что Джек поморщился и едва не зажал руками уши. Кролик выскочил из кустов и помчался прочь, перепуганные птицы сорвались с верхушек деревьев, бурундук нырнул в заросли дикой ежевики. Джек их не осуждал — ему и самому хотелось бежать со всех ног.

Он наклонился и выставил нож в вытянутой руке, вертясь из стороны в сторону. Тринити указывала пальцем на землю, другой рукой зажав себе рот. Она продолжала визжать, только чуть тише. Он отодвинул ее в сторону, чтобы посмотреть, куда она тычет.

Рука, красная и израненная, торчала из естественной ложбинки, засыпанной ветками и листьями, похожей на могилу, которую забыли закопать. Они едва не провалились туда.

— Ш-ш-ш! Прекрати орать! — шикнул Джек на Тринити. Кое-как она взяла себя в руки и перестала издавать этот отвратительный звук, и тогда он прошептал: — Я пойду посмотрю. А ты стой тут.

Тринити кивнула, но продолжала цепляться за его ремень и двигаться вперед за ним. Джек подумал, что раз она так трясется, то вряд ли заметит его собственную дрожь.

Подойдя достаточно близко, Джек легонько пнул кроссовкой руку, торчавшую из-под лесного мусора. Ничего не произошло. Он подкрался еще поближе. Начал отбрасывать в сторону ветки, стараясь действовать как можно быстрее. Тринити начала помогать ему разбрасывать ветки и листья; каждые несколько секунд они поглядывали на руку. Джек не знал зачем, но все равно не мог надолго отвести от руки взгляд. Наверное, пересмотрел фильмов про зомби.

Среди разноцветных сырых листьев показалась прядь светлых волос, длинная и грязная. Клокотание прекратилось, и Джек стал копать изо всех сил, пригоршнями отбрасывая листья в сторону, а потом и просто гребя ладонями.

Тринити прекратила помогать и отступила, по-прежнему зажимая себе рот, с глазами огромными настолько, что они грозили вот-вот выскочить из орбит. Пальцы Джека наткнулись на что-то твердое. Женская голова. Глаза закрыты, шея и плечи в синяках. Джек яростно продолжал копать, освобождая остальное.

Очень скоро он понял, что женщина голая. Все ее тело покрывали порезы, длинные и глубокие. Лицо было красное — и десятка других цветов, — сильно распухшее. Запястья и щиколотки побагровели, местами с них слезла кожа. «Иисусе!» — поежился Джек.

Следы на запястьях женщины напомнили ему о волке, который однажды попал в отцовский капкан. Волк уже почти отгрыз себе переднюю лапу, пытаясь освободиться, когда отец, вооружившись длинным железным прутком, который держал именно для таких случаев, разжал пружину и освободил пленника. Раненый зверь оглянулся на Джека с отцом, словно благодаря их, прежде чем похромать прочь.

И, как в тот раз, Джек затаил дыхание, боясь того, что могло произойти дальше.

Он поглядел на Тринити и сразу об этом пожалел. Она наклонилась к земле, и ее вырвало. Джек отвел глаза, не зная, куда бросаться. Подавил в себе инстинктивное желание еще раз глянуть на тело, но это было как автокатастрофа — невозможно не смотреть.

Одна из веток оцарапала ему ногу, зацепившись за джинсы, и он нагнулся, чтобы ее убрать. И тут же отскочил назад. Торчащая рука вцепилась ему в штанину.

Клокотание послышалось снова, и он перевел взгляд на изуродованное женское лицо. Распухшие глаза, от которых остались одни щелки, теперь были приоткрыты и направлены на него — точнее, сквозь него, — напоминая про слепого дядюшку, который мог вытарашиться на какого-нибудь человека, хотя на самом деле его не видел.

Из горла у него непроизвольно вырвался вскрик. Сердце отчаянно заколотилось, он стал хватать воздух ртом, от избытка кислорода начала кружиться голова, и Джек испугался, как бы не свалиться в обморок. Он медленно отступил назад. Надо было сперва оглянуться, потому что он споткнулся о пень и повалился на спину. Ноги взлетели вверх, и одна задела протянутую к нему руку.

Джек успел забыть про Тринити, но тут она внезапно подскочила к нему, пытаясь помочь. Рука женщины пошевелилась опять, прикоснувшись к голой коже его ноги между штаниной и носком, из ее горла вырвался булькающий звук. Дрожа, Джек наклонился к ней, вслушиваясь. Она вдохнула чуть больше воздуха, шире приоткрыла рот, и на этот раз Джек расслышал:

— По... можете!

Глава 2

*Четырьмя днями ранее
Понедельник, 25 марта, 15:30*

— Признать Лукаса Блумфельда виновным по всем пунктам.

Стоило этим словам слететь с губ старшины присяжных, как в душном переполненном зале раздалась одновременно радостные возгласы и плач, так что судье пришлось ударить молотком, призывая присутствующих к порядку. У детектива Алиссы Уайетт словно гранитная плита упала с плеч. Хотя она и не ставила под сомнение способности окружного прокурора, в последние несколько лет присяжные неоднократно преподносили ей неприятные сюрпризы своей непредсказуемостью.

Глядя на холодное, бесстрастное лицо Блумфельда в момент, когда зачитывали вердикт, она невольно вспомнила трагедию собственной семьи, случившуюся, когда ей было всего девять.

Но тут супруги, сидевшие на скамье перед ней, развернулись и одними губами прошептали: «Спасибо!» — и тогда Алисса поняла, что ради этого и пришла сегодня в суд. Ради этих родителей и ради их дочери, которую Блумфельд выслеживал несколько недель, а потом прокрался за ней в квартиру, где несколько часов пытал, после чего ударил ножом и бросил умирать. Невероятно, но ей удалось выжить и набрать 911.

Несколько свидетелей упомянули черный пикап, появившийся в квартале незадолго до нападения, и с помощью камер видеонаблюдения в жилом комплексе Алисса смогла узнать его номер, а по номеру отследить Блумфельда до его дома в Вест-Сайде. Когда детективы возникли у него на по-

роге, он попытался бежать, но Алисса была наготове и сразу свалила его на землю ударом тока в 1200 вольт. Улики, обнаруженные в доме, подтвердили, что та девушка была не первой его жертвой, но Алисса позаботилась о том, чтобы она стала последней.

До нее дошел слух, что канал НВО предлагал жертве и ее родителям грандиозную сумму за фильм об этой истории. Родители ответили, что страдания их дочери не продаются, и попросили никогда больше им не звонить.

Кто-то тронул ее за руку; Алисса повернулась влево. Ее напарник, Корд Робертс, показал глазами в сторону выхода, и Алисса кивнула, напоследок легонько похлопав родителей девушки по плечам.

Спугнув с дороги бродячую кошку, они с Кордом и полицейской художницей из их участка Лиз Уотерсон — это она по показаниям свидетелей составила портрет Блумфельда, приведший к аресту, — спустились по ступенькам перед зданием окружного суда.

Рюкзак Лиз с альбомом для набросков, мелками, углем, карандашами и каталогом разных типов лиц ударил ее по спине, когда она приостановилась, чтобы пойти с Алиссой в ногу. Несколько лет назад кто-то задал Лиз вопрос, зачем она таскает с собой «столько барахла», и она ответила: «Из суеверия». Сейчас Лиз начертила в воздухе воображаемую галочку и сказала:

— Одним извращенцем на улицах меньше.

— К сожалению, их всегда в избытке, — вздохнула Алисса, и Корд согласно кивнул.

— Печально, но правда, — ответила Лиз, вырвавшись немного вперед. — Я вас позже нагоню. Надо заехать на кладбище. Тридцать семь.

Она махнула рукой, сбежала до конца лестницы и свернула в противоположном направлении.

Каждый год в день рождения сестры Лиз объявляла, сколько ей было бы сейчас лет, и ездила положить цветы на ее могилу. Пять лет назад, когда Корд только стал ее напарником, Алисса раскрыла загадочное убийство сестры Лиз. Бывший парень заново возник у Амелии на горизонте, и семья об этом не знала. Когда она отказала ему, он слетел с катушек, избил девушку, а потом выстрелил ей в лицо.

У Алиссы ушло меньше недели на то, чтобы установить личность убийцы и арестовать его. Вскоре после того, как ему вынесли приговор, Лиз затребовала перевода в их участок. Алисса хотела бы, чтобы перевод произошел при других обстоятельствах, но все равно ее очень обрадовало, что Лиз стала частью их команды.

Прежде чем пройти один квартал до гаража, где были выделены места для полиции и работников окружного суда, Алисса вытащила телефон и включила связь. На экране заморгал огонек; она открыла сообщения и обнаружила одно от мужа — тот спрашивал, как все прошло.

«Виновен по всем пунктам», — написала Алисса и догнала напарника, дождавшегося на углу.

— Жаль, вы с Сарой не смогли прийти на день рождения Холли, — сказала она, переключаясь с профессионального тона на дружеский. — Легче было бы не обращать внимания на Мейбл. Клянусь, эта женщина и монахиню довела бы до пьянства.

«Этой женщиной» Алисса называла свою свекровь, никогда не упускавшую возможности дать невестке понять, что она о ней думает.

— Извини, Лиз! Пришлось идти на игру. Знаешь ведь, как это бывает.

— И все равно жалко, что вас не было. Убедился бы, наконец, что все эти годы я несколько не преувеличивала, когда рассказывала о ней.

— Да я так и не думал, — заметил Корд. — По крайней мере, тебе больше не приходится иметь с ней дело каждое воскресенье.

— Это да. И все равно она находит способ превратить мою волшебную страну в комнату страха. — Алисса состроила гримасу, вспоминая те дни, когда Мейбл неуклонно являлась провести воскресенье с обожаемым сыном и внуками. Однако теперь, когда Холли и Айзек стали подростками и сами решали, чем займутся в выходные, воскресный ритуал, к счастью, отошел в прошлое. Правда, свекровь продолжала заглядывать к ним повидаться с сыном — по мнению Алиссы, все еще чересчур часто.

Однако она терпела ее, потому что Мейбл была в семье единственной представительницей старшего поколения. Отец Брока умер еще до рождения Холли, а ее собственные родители... Даже будь они живы, никто не мог бы сказать, что за бабушка и дед получились бы из них. И не станут ли ее дети, как она сама, всего лишь вечным напоминанием о совершенной некогда ошибке.

Алисса замедлила шаг возле одного из своих любимых кафе, расположенного по соседству с гаражом.

— Мне нужен кофе. Ты будешь? — спросила она, уже сворачивая ко входу.

Напарник вполне предсказуемо покачал головой, но дверь для нее придержал. Джентльмен до мозга костей.

— Нет, спасибо. Никогда не понимал, как ты вообще спишь, когда у тебя в крови столько кофеина.

Встав в очередь, Алисса продолжила с того же места, где остановилась:

— Я тебе говорила, что Мейбл подумывает купить на нашей улице дом, чтобы быть к нам поближе?

Она поморщилась от воспоминания о панике, охватившей ее от такой перспективы.

— А тебе не приходило в голову, что она доканывает тебя, потому что знает, что ты ее не переносишь? — спросил Корд, вежливо отстраняя рукой девушку лет двадцати, которая едва не врезалась в них, потому что набирала сообщение в телефоне, а потом еще и гневно посмотрела на него, хотя была сама виновата.

Алисса, игнорируя незнакомцев вокруг, уставилась на напарника так, будто у него внезапно выросла вторая голова.

— Что? Ты это серьезно? Ты что, вообще меня не слушал? Это она не переносит меня! С самого начала. Эта мадам явилась на нашу свадьбу в черном с головы до пят! Если б гости не знали, куда пришли, решили бы, что на похороны!

— Может, она просто любит черный.

Алисса в ответ только закатила глаза.

— Она грубиянка и по любому поводу мне перечит.

— Уж и не знаю, что ответить тебе, друг мой... Знаешь поговорку «Убейте их своей добротой»? — Корд подмигнул.

— Ну да, конечно. Только это не сработает.

Они уже подошли к стойке, и Алисса прервалась, чтобы заказать большой черный кофе и чай с маракуйей для Корда, хоть тот и не просил.

— Я знаю, это был праздник Холли, но, господь всемогущий, я только и ждала, чтобы он скорее закончился!

Корд оперся о стойку; Алисса наблюдала за тем, как бариста готовил три сложных напитка, прежде чем налить